

ВВЕДЕНИЕ

Этнографические артефакты, доставленные в Европу участниками плаваний капитана Кука, всегда были объектом особого внимания океанистов, представляя собой, как бы по определению, наиболее репрезентативный срез традиционной культуры народов Океании. Однако, если брать в расчет не только абсолютную, но и относительную хронологию, вещи из кругосветных путешествий российских мореплавателей первой четверти XIX в. по своему историческому значению и богатству ничем не уступают куковским, образуя вместе с ними неразрывное историческое пространство. Этот тезис кажется верным как с точки зрения общности географических интересов английских и русских экспедиций, так и с точки зрения музейных судеб привезенных ими этнографических коллекций.

В собраниях МАЭ эпоху этнографических открытий в Океании отражают две базовые коллекции, которые и станут предметом нашего исследования: коллекция № 505 (см. описание Е. Л. Петри 1899 г.: «Коллекция предметов быта жителей островов Тихого Океана собранных капитаном Куком во время его 3^{его} кругосветного плавания и подаренных им на Камчатке майору Бёму, которым они были привезены в Петербург в 1780 г.»¹) и коллекция № 736 (см. описание Е. Л. Петри 1903 г.: «Из Адмиралтейского музея»). В процессе изучения этих коллекций мы попытаемся более точно установить границы между старинными поступлениями МАЭ, к которым они восходят. Конечно, первоочередная наша задача — отделить куковские предметы от предметов, поступивших из других источников. Нельзя также забывать, что разграничение отдельных поступлений означает необходимость постоянно держать в уме задачу взаимной идентификации предметов океанийского и американского происхождения, поскольку практически все поступления того времени имели смешанный характер, отражая собой маршруты плаваний.

Исследования по исторической атрибуции этнографических предметов изначально обладают двойной природой. Применение

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация оригинала сохранены.

метода этнографических аналогий должно сочетаться с использованием сведений, заключенных в письменных источниках, каталогах, сопроводительных списках и этикетках на вещах. В свою очередь, если не ограничиваться методом подбора, который, как известно, дает положительные результаты далеко не во всех случаях, использование документальных свидетельств связано с проблемой их датировки, следовательно, требует изучения множества разнообразных фактов, касающихся деловой переписки или эпистолярного наследия того времени. В этом случае данные, которые могут быть получены методом подбора, оказываются не в начале, а в конце цепочки умозаключений, ставя во главу угла метод исключения.

Однако, утверждая нечто подобное, в устоявшемся выражении «история и вспомогательные исторические дисциплины» мы фактически вместо термина «история» подставляем термин «этнография». Вероятно, в этом случае было бы логичнее заменить и второй термин на термин «вспомогательные этнографические дисциплины». Но тогда возникает вопрос: что такое вспомогательные этнографические дисциплины? Если под выражением «вспомогательные этнографические дисциплины» понимать изучение различного рода музейных документов, то из этого едва ли может возникнуть отдельный ряд самостоятельных субдисциплин, специализирующихся, скажем, на каталогах, описях или этикетках. По своим текстологическим свойствам музейные документы существенно ничем не отличаются от других письменных источников, поэтому выделение их в особый предмет исследования кажется теоретически невозможным. То, что иногда можно принять за признаки становления «музейного источниковедения» применительно к этнографическим коллекциям, на самом деле свидетельствует о необходимости знания предметной области этнографии в качестве базового условия начала исследования.

Так что более правильно придерживаться привычного разделения двух предметов исследования на историю и этнографию. Этнографические, минералогические, зоологические и т.п. коллекции есть не что иное, как часть предмета имярек науки, перенесенная в специальные помещения, именуемые музеями. Перемещение предметов в музейные собрания осуществляется в целях сохранения, но чего именно? Вероятно, возможности повторного описания, то есть вторичного полевого исследования в лабораторных («кабинетных») условиях. Таким образом, историческая атрибуция

этнографических вещей (точнее, реконструкция их функций и семантики) является чисто этнографическим исследованием, разумеется, с привлечением методов, присущих нарративной истории как таковой, а если понадобится, то и естественно-научных методов. Вообще любая наука в сфере приложения достигнутых ею результатов объективно выступает в роли «служанки», то есть совокупного источника по отношению к соответствующим так называемым смежным наукам, причем подобная «смежность» всегда окказиональна, хотя и подчиняется определенному алгоритму.

По мере совершенствования приемов полевой этнографии историческая реконструкция вроде бы должна становиться излишней, в терминах полноты описания. Однако это никогда не происходит ввиду принципиальной неполноты любого описания. В конечном счете мы всегда имеем дело только с фрагментами наблюдаемой реальности. Даже более того: чтобы узнать что-то новое об окружающем мире, мы должны его фрагментировать, отсекая все ненужное в рамках текущего процесса рассмотрения.

Показательно, что иногда по признаку «дополнительности» к числу вспомогательных по отношению к истории наук относят также археологию и этнографию. По всей видимости, верна и обратная теорема. История поступлений как знаковая система очевидным образом может выступать в роли источника по отношению к этнографии (к вопросу об определении объема понятия «этнографический источник»). Так, при написании «истории МАЭ» в роли вспомогательной науки выступает этнография, а при создании «истории коллекций МАЭ» — собственно история. Подчас анализ музейных источников открывает для науки ранее неизвестные этнографические универсалии, или классы этнографических предметов. С этой точки зрения ввод в научное обращение какого-либо каталога или списка этнографических вещей, подобно «капсуле времени» заключающего в себе момент сбора или передачи какой-либо коллекции, может означать не только открытие имени собирателя, но и обнаружение целого пласта традиционной культуры.

В определенных аспектах область исследования, которую можно назвать историей музейной вещи (“history of collections”), следует рассматривать как область социальной истории. Если для нарративной истории музейные вещи предстают атрибутами личности собирателя, то для социальной истории — все наоборот. Имя собирателя есть атрибут музейного предмета. История (или историография

в первоначальном значении слова) в качестве науки выступает историей имен, тогда как социальная история — это история рядовых (бытовых или этикетных) событий. Это та самая среда, в которую были погружены «исторические личности». Следует учитывать, что «историческое имя» состоит не только из имени собственного, но также из совокупности устных и письменных высказываний, ему принадлежащих. Подпись под документом или имя на титуле книги делают «изданные» тексты частью имени своего «издателя». Забвение имени или отделение имени собственного собирателя от вещи (документ без подписи, безымянная коллекция) равносильно несуществованию индивида, полному или частичному. В музейной практике утрата связи коллекции с именем собирателя или событием приобретения в некотором пределе означает ее превращение в «предмет неизвестного назначения», то есть в «не-предмет» исследования, попросту «редкость» или «антиквариат».

При исторической атрибуции музейных вещей, то есть при сопоставлении множества вещей из современных коллекций со множеством имен предметов в старинных каталогах или списках, выявляется проблема недостоверности этимологии собственных имен. Соответственно, процедура опознания реальных предметов в содержании входных строк старинных каталогов состоит не в отыскании более или менее сходных характеристик (мешает отсутствие семантического критерия надежности), а в построении динамических моделей, или рядов наименований предметов, отобранных по определенным признакам. Совокупность таких моделей образуют социальную структуру того или иного поступления, выделяя его на фоне других поступлений. Мало заметить те или иные факты («свойства»), необходимо создать систему исчисления этих фактов, будь то астрономическое наблюдение или этнографический артефакт. (Помимо прочего, это говорит о том, что в рамках музееведения возможны собственные теоретические построения без обращения к какой-либо внешней опоре вроде поисков философских «смыслов».)

В этом свете цель настоящей книги — представить не только и не столько результаты атрибуции в узком смысле слова, подразумевающей извлечение отдельных предметов из аморфной массы старых поступлений, но создать атлас реконструкции этих поступлений как историко-культурных целостностей. В конечном счете ценность той или иной этнографической вещи заключается не в ее уникальности, подчас служащей синонимом безымянности, а в ее

принадлежности к культурному континууму, связанному единством времени, места и действия (бытования). Как учил Гегель, вещь есть то, что она есть, только в понятии, а понятие, согласно другой не менее известной концепции, есть не что иное, как «функция» (в значении «идея ряда»).

Из всего этого следует, что о музейной вещи можно говорить как о «мертвой вещи» только в том случае, если она потенциально не содержит в себе весь ряд, то есть все возможные миры, ей принадлежащие. Достижение такого состояния возможно тогда и только тогда, когда вещь полностью лишена какого-либо «контекста», когда мы не владеем никакими свидетельствами, ни прямыми, ни косвенными, что на практике осуществить едва ли возможно.

При таком подходе неизбежно возникает вопрос о пределе достоверности (=полноты) исследований в области атрибуции музейной вещи. Возможно ли разобрать коллекции с неясным провенансом, происходящие из старых музейных собраний, настолько детально, чтобы каждая отдельная вещь заняла свое законное место в истории поступлений, найдя свою единственную и неповторимую строку в старинных списках или каталогах? Здесь мы сталкиваемся с двойной проблемой — обнаружения и чтения документов. Во-первых, зачастую надо еще найти музейный каталог, в который данный ряд вещей был внесен при поступлении. Во-вторых, этот каталог необходимо «расшифровать», поскольку обозначения классов вещей часто не соответствуют наименованиям современного языка. В старинных музейных каталогах во множестве встречаются термины языка, давно вышедшие из употребления. Кроме того, когда речь идет именно об этнографических вещах, вследствие особенностей самого материала, изъятого из совершенно чуждой европейцам культурной среды, термины описания при классификации вещей приискивались собирателями порой весьма приблизительные. Подчеркнем лишний раз, что единичные, разрозненные списки непродуктивны в интересующем нас отношении.

Чисто технически задачи такого рода решаются с помощью триады «каталог — сопроводительный список — этикетки на предметах». Можно сказать, что МАЭ выгодно отличается от большинства европейских музеев, обладающих старинными этнографическими коллекциями. Поскольку наше внимание привлекают музейные собрания конца XVIII — начала XIX в., такое сравнение имеет силу в том отношении, что как в МАЭ, так и в архивах Санкт-Петербурга сохра-

нилось большое число документов, допускающих практически полную реконструкцию собраний Академии наук той эпохи. Как будет показано в основной части книги, в нашем распоряжении имеется сплошное поле различных списков и каталогов, накрывающее период времени в несколько десятилетий. Конечно, предел возможной реконструкции представляет собой подвижную границу.

Выше мы уже затрагивали тему границ применения метода подбора. Обычно в качестве основного способа решения задачи атрибуции этот метод используется в двух ипостасях: по упоминанию в каталогах и по упоминанию в дневниках путешественников. В качестве подвида выступает реконструкция провенанса по возможным точкам пересечения маршрутов путешествий собирателей и перемещений предметов. Однако, как показывает опыт, метод подбора обладает довольно низким коэффициентом полезного действия. К тому же этот метод, несмотря на то что он связан с использованием соответствующих списков, на самом деле не является способом строго документального обоснования, что, как уже отмечалось, связано с эффектом семантической неопределенности наименований предметов в старинных списках. Если какие-то совпадения и обнаруживаются, то чаще всего они оказываются случайными, допуская сравнение с понятием «ложных друзей переводчика». Поэтому использование метода подбора практически невозможно без предварительного анализа всего множества доступных в данный момент документов. Тот или иной документ является источником, а не просто памятником письменности только при условии раскрытия связей с другими документами, что, видимо, и образует структуру внутренней критики источников.

На первое место можно поставить метод сочетания, или перекрестного цитирования, нескольких источников, например сопоставления входных строк некоторого каталога с рядом этикеток определенного типа. В реальности атрибуция предметов состоит в сопоставлении не предметов с текстами, а текстов с текстами. Обнаруженные при этом совпадения являются документальными свидетельствами в подлинном смысле этого слова. Все это означает спонтанное, по крайней мере, применение методов комбинаторики — сочетания, перестановки, размещения и перечисления элементов некоторых множеств — и изучение отношений на них, например частичного порядка, и построение различных комбинаторных конфигураций.

Общеизвестно, что секрет науки состоит в построении моделей. Комбинаторика вещей из старинных поступлений может быть сведена к двум-трем достаточно простым правилам. Например, если описание вещи в каталоге или списке оказывается слишком общим, ее внешний вид (денотат) можно вычислить по совокупности признаков различия нескольких предметов, поскольку старинные списки часто являются не просто перечислением, но простейшей классификацией вещей по функции, форме, материалу и относительным размерам. Кроме того, наименования предметов часто образуют своего рода кластеры, единство которых покоится на их принадлежности к одному поступлению, месту хранения и довольно редко разрушается при переходе из списка в список. Тогда, с учетом этого соседства, устанавливая провенанс одного предмета, мы тем самым устанавливаем провенанс другого предмета, не имеющего на себе никаких документальных свидетельств, например в виде номерных этикеток. Наконец, переходя из списка в список, наименования порой подвергаются некоторым детализирующим изменениям в формулировках, что позволяет выявить внешность стоящих за ними предметов и тем самым открыть путь к использованию метода подбора и/или метода этнографических аналогий.

Сказанное определяет тематические границы настоящего исследования. Основные усилия были сосредоточены на поиске и изучении различных списков и каталогов. Атрибуция отдельных вещей выступает как бы побочным продуктом чтения («дешифровки») упомянутых источников, учитывая, что уже достигнутые результаты атрибуции облегчают чтение ранее «нечитаемых» мест в тех или иных каталогах. Чем больше предметов подверглось документальной атрибуции, тем уже становится круг «подозреваемых», тем проще дальнейшее сопоставление разнородных источников.

Также необходимо отметить, что некоторые свойства предмета настоящего исследования определяют во многом очерковый характер данной книги. Поскольку исследование должно вестись сразу по нескольким, часто встречным, направлениям, плавный переход от одного вопроса к другому практически неосуществим. На каждом этапе первоначально приходится выяснять характер взаимосвязей между какими-то двумя избранными областями, временно выводя из рассмотрения другие. Иногда для того, чтобы ответить на тот или иной вопрос, касающийся океанийских коллекций, сначала приходится искать ответ на вопросы, связанные

с происхождением, скажем, североамериканских или китайских коллекций.

Вероятно, внешне это напоминает проведение серии очных ставок так, что «допрашиваемые» в разное время оказываются членами различных пар. В одном пространстве сталкиваются письменные источники (каталоги, списки, этикетки) и выделяемые по различным признакам совокупности вещей. В другом пространстве сталкиваются отдельные коллекции или поступления и т.д. Как следствие, тексты отдельных глав накладываются друг на друга, поскольку одни и те же факты и выводы могут использоваться под разным углом. Тем самым мы выявляем пробелы и противоречия, чтобы затем вновь столкнуть между собой отдельные списки и коллекции. В идеале этот процесс повторяется столько раз, сколько необходимо для расстановки всех предметов из старинных поступлений по их историческим местам, или, пользуясь геометрической аналогией, для схождения множества параллельных линий исследования в одной бесконечно удаленной точке. Безусловно, момент достижения этого равновесного состояния находится за пределами предлагаемой книги.

Можно сказать так: правильное поведение при постановке проблемы реконструкции старинных поступлений заключается в выдвигании серии предположительных решений (теорий), которые подвергаются непрерывной процедуре элиминации ошибок. Наука в целом имеет дело с бесконечным множеством порождающих друг друга задач. История музейной вещи являет собой конечное множество событий, поэтому вполне может наступить момент, в котором очередная постановка проблемы уже не приведет к порождению новой проблемы, и круг замкнется. Если же нам не удастся достичь этого предела, то к тому времени по ходу движения к идеальному результату мы достигнем такого уровня знания, при котором значение (если не число) оставшихся без точного провенанса вещей будет стремиться к нулю. В конечном счете мы занимаемся не инвентаризацией старинных коллекций, а изучением традиционной культуры, полномочными послами которой выступают изучаемые нами музейные вещи.

С точки зрения процедуры общая задача воссоздания картины старинных поступлений МАЭ распадается на несколько частных задач по выделению пересекающихся множеств этнографических вещей, которые можно очертить путем противопоставлений: собра-

ния Императорской Кунсткамеры и Музея Императорской Академии наук, собрания Императорской Академии наук и Государственного Адмиралтейского департамента; собрания Императорской Академии наук и Музеума Морского кадетского корпуса; собрания Этнографического музея и собрания Морского музея и т.д. Внутри собственно академического собрания особую роль играют серии противопоставлений, базирующихся на региональной или этнической принадлежности вещей: Океания и Америка, Океания и Китай и т.д. Такая классификация по признаку принадлежности/непринадлежности отдельных вещей к тем или иным множествам подобна накладыванию друг на друга окружностей, так что в некотором пределе области пересечения могут оказаться соответствующими конкретным поступлениям.

Разумеется, встает и такой вопрос: о чем и насколько исчерпывающе могут говорить те или иные виды источников? В МАЭ существуют два основных вида источников: 1) описи и/или карточные каталоги, созданные при первой регистрации современных коллекций, и 2) старинные каталоги XVIII–XIX вв. Только в совокупности два упомянутых массива источников выступают в роли *функции*, переводящей множество предметов из старинных океанийских коллекций, зарегистрированных под номерами МАЭ, во множество предметов, упоминаемых в документах конца XVIII — начала XIX в.

Очевидно, что источники могут и должны говорить только о «своем» времени. Описи конца XIX — начала XX в. невозможно непосредственно использовать при восстановлении облика старинных поступлений. Величайшая заслуга регистраторов, работавших над составлением так называемых «кратких описей» МАЭ в конце XIX — начале XX в., состоит именно в том, что они прекрасно отдавали себе отчет в источниковедческой ценности старинных этикеток. Все найденные этикетки тщательно фиксировались. В одних случаях этикетки снимались с предметов и аккуратно наклеивались на листы описей или на карточки с описанием предметов. В других случаях информация об этикетках содержится в текстах самих описей. Нетрудно понять, что все это делалось в расчете как раз на то, что будущим поколениям исследователей удастся обнаружить каталоги или списки, соответствующие номерам или текстам этикеток.